

Людмила Чурсина:

«СУДЬБА ПОДАРИЛА МНЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ РОЛИ»

СЪЕМОЧНЫЕ площадки, аэропорты, гостиницы и снова съемочные площадки — таковы сегодня маршруты Людмилы Чурсиной.

Актриса много и плодотворно работает. Скоро на экраны страны выйдут три фильма с ее участием. Это «На углу Арбата и улицы Бубулиной», где Чурсина играет роль журналистки Ксении (студия «Мосфильм»), фильм «Схватка», снятый Одесской студией художественных фильмов, и «Приваловские миллионы» — экранизация романа Мамина-Сибиряка Свердловской студией художественных фильмов.

— Что заставляет вас так много работать?

— Профессия. Кинематограф не терпит застоя. К тому же три фильма в год — не так уж и много.

— Они завершены?

— Можно сказать, да. В Москве уже состоялся просмотр фильма «На углу Арбата и улицы Бубулиной».

— Что вас привлекло в роли Ксении?

— Мне интересно в ней все: и профессия, и собранный, самостоятельный характер, и большая любовь, от которой она не отступает, хотя заведомо знает, что ее ждет горе, боль, женское одиночество.

— Что вы испытываете после окончания съемок?

— С волнением жду встречи со зрителем. Только после премьеры можно трезво оценить результат своей работы, понять, стал ли фильм по-настоящему нужным людям. И если зритель его принял, испытываешь счастье. Правда, счастье такое довольно редко. Ведь чтобы «завоевать» зрителя, необходимо обладать живой силой воздействия, ощущать непосредственную связь с теми, кто идет в зрительный зал.

— К тому же, очевидно, следует еще обладать и чувством времени, ощущением полнокровного ритма эпохи!

— Опыт нашего искусства подтверждает, что только художники, размышляющие на уровне времени, прикоснувшиеся в своем творчестве к сложнейшим жизненным проблемам, могут воплотить характеры действительно современные! Сегодня зритель ждет от героя размышлений над важнейшими современными и историческими проблемами, истинного кипения страстей. Конечно, понятие «современный герой» многогранно. И невозможно представить себе, чтобы этот герой мог всесторонне воплотиться в одном образе, как бы художественно емко ни был этот образ.

— Какую из своих ролей вы больше всего любите, о какой мечтаете!

— Часто приходится слышать, когда актеры говорят, что их лучшие роли еще не сыграны. Я так сказать не могу, потому что за годы работы в кино мне посчастливилось соприкоснуться с богатейшим материалом: судьба подарила мне удивительные по своему масштабу, яркости, глубине, значимости роли русских женщин. Я их искренне люблю и уважаю, и было бы преступно с моей стороны назвать одну из них, не назвав другие. Каждая роль сопряжена с тратой немалых духовных и физических сил, и я не могу выделить или отвергнуть ни одну из своих ролей.

— Вы человек настроения?

— Вряд ли. Впрочем, что значит настроение? По-моему, всякий человек подвержен его изменениям. Сегодня ему хочется послушать Баха, а послезавтра — тишину. Побить одному, без музыки, книг, друзей, сосредоточиться, замкнуться. Просто побродить босыми ногами по утренней росе. У меня нет любимого композитора, актера, писателя или настольной книги.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Наверное, каков бы ни был ответ, он все равно будет или банален, или не прозвучит искренне. Потому что сказать, что никак не отношусь, — значит солгать. Меня радует, когда зритель испытывает признательность к моим героиням. Недавно я была в Молдавии. Приехали мы в один из колхозов, и едва открылась дверца машины, как раздалось: «Вот она, Виринея...». Что говорить, приятно услышать такое.

— Чье творчество оказывает на вас влияние?

— Опять-таки не могу назвать вам конкретно кого-либо. В нашем кинематографе много талантливых актеров и актрис. Когда я смотрю, например, на Майю Булгакову, Инну Чурикову, Нонну Мордюкову, испытываю состояние хорошей, что ли, «белой» зависти, когда вижу, что при любом желании не смогу сыграть лучше. А вообще, глядя на своих коллег, люблю наблюдать, анализировать, сравнивать. Какие-то вещи мозг фиксирует, какие-то опускает. Иногда думаешь: вот здесь бы я сыграла не так. И когда видишь, что сыграно лучше, чем думала, становится жалко, что не сообразила, не разгадала, не заметила лучших ходов в развитии сцены.

— Какие мысли возникают, когда вы видите себя на экране?

— Трудно сказать. Лучше я вам расскажу один эпизод. Когда закончен был фильм «Виринея», мне не удалось посмотреть его на студии. Впервые смотрела фильм на встрече со зрителями в одном из рабочих клубов. Вы знаете, когда фильм кончился, я забыла о том, что надо выходить на сцену. А когда вышла, была в таком нервном, буквально шоковом состоянии, что взяла микрофон и поняла: не могу говорить. Отступать было поздно, и я... разревелась. Стояла минут пять с микрофоном в руках и рыдала. Мне было ужасно стыдно, казалось, что слезы мои не так истолкуют, подумают, что я расчувствовалась, сама себя пожалела... В зале стояла гробовая тишина. Наконец я успокоилась и начала разговор о своей работе в кино. Тогда я поняла, что никогда не приеду к зрителю, не посмотрев фильма, потому что после просмотра чаще всего хочется молчать: либо от потрясения, либо от того, что ничего исправить в ленте уже нельзя. Ведь бывает, что лучшие дубли по состоянию актера, по импровизации, естественности, органике выбрасываются. И тут ничего не поделаешь — таковы издержки производства, специфика кино такова.

Вел беседу Ю. БЕСПАЛОВ.

Сод. рукописи 1972, 2 сев. б.